

УДК 101.1:316.347:316.647.8

СТАТУС И СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Осуществляется социально-философское осмысление сущности и роли этнической мифологии на современном этапе социокультурного развития. Актуальность работы обуславливается, с одной стороны, возрастанием этнокультурной напряженности и участвовавшей мифологизацией истории, с другой стороны, дефицитом комплексных и системных исследований проблем этнического мифотворчества в условиях современных коллизий. Предлагается предметный философский анализ сущности этнических мифов, раскрывающий их типологическое разнообразие и динамичный характер, а также специфические отличия современного и классического этнических мифов. Делается акцент на том, что современная этническая мифология представляет собой специфический тип сконструированного социального знания, проходящего определенные этапы своего формирования. В результате сегодня этнический миф понимается как символический нарратив, аккумулирующий и интериоризирующий социокультурный опыт этнической общности в конкретных исторических условиях. Подчеркивается значение этнической мифологии в изучении этнической идентичности. В мифах отражены ключевые особенности этнического самосознания, его основные символы и образы, в которых проявляется специфика идентификации своей общности и отношения к другим общностям. Отмечается практическая значимость исследования этнической мифологии: во-первых, гиперболизированная мифологизация истории и культуры нередко служит индикатором потенциальной этнокультурной напряженности в обществе, а во-вторых, этнический миф может использоваться при конструировании национальной идеи или формировании имиджа страны, что определяет не только актуальность, но и сложность рассматриваемой темы.

Ключевые слова: этнический миф; этнос; стереотип; конструктивизм; историческая память; социальное знание; этническая идентичность; этнический конфликт.

STATUS AND SPECIFICITY OF ETHNIC MYTHOLOGY AT THE PRESENT STAGE OF SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the social and philosophical understanding of the essence and role of ethnic mythology at the present stage of socio-cultural development. The relevance of the work is dictated, on the one hand, by the escalating of ethno-cultural tension and the increasing mythologisation of history, on the other hand, by the shortage of comprehensive

Образец цитирования:

Курбачёва ОВ. Статус и специфика этнической мифологии на современном этапе социокультурного развития: социально-философский анализ. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2023;2:60–66.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-60-66>

For citation:

Kurbacheva OV. Status and specificity of ethnic mythology at the present stage of socio-cultural development: social and philosophical analysis. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2023;2:60–66. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-60-66>

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kurbach.ova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7874-0434>

and systematic studies of the problems of ethnic myth-making in the context of modern conflicts. The article proposes a substantive philosophical analysis of the essence of ethnic myths, revealing their typological diversity and dynamic character, as well as the specific differences between modern and classical ethnic myths. The author emphasises that modern ethnic mythology is a specific type of constructed social knowledge that goes through certain stages of its formation. As a result, today ethnic myth is understood as a symbolic narrative that accumulates and interiorises the socio-cultural experience of an ethnic community in specific historical conditions. The article highlights the importance of ethnic mythology in the study of ethnic identity. The myths reflect the key features of ethnic self-consciousness, its main symbols and images, in which are manifested the specifics of awareness of one's community and attitude towards others communities. The author draws attention to the practical significance of the study of ethnic mythology: firstly, the exaggerated mythologisation of history and culture often serves as an indicator of potential ethno-cultural tension in society, and secondly, ethnic myth can be used in the construction of a national idea or the formation of a country's image, which determines not only relevance, but also the complexity of the topic under study.

Keywords: ethnic myth; ethnos; stereotype; constructivism; historical memory; social knowledge; ethnic identity; ethnic conflict.

Этнические мифы, являющиеся универсальным феноменом человеческой культуры, включают в себя традиционные формы миропредставления, автохтонные образы и концептуальные установки любой этнической общности. Однако если на заре формирования этносов роль этих мифов неоспорима, то на современном этапе социокультурного развития возникает закономерный вопрос: «Востребована ли сегодня этническая мифология или она представляет собой своеобразный культурный рудимент?» Для того чтобы ответить на данный вопрос, необходимо прежде всего разобраться в специфике самой этнической мифологии, а затем выявить возможные сферы влияния и формы проявления мифологического знания на современном этапе социокультурного развития.

Говоря об этнической мифологии, мы, безусловно, выходим за пределы архаической мифологии и акцентируем внимание на современном этническом мифе. Сегодня этническая мифология, как и прежде, характеризуется предельным символизмом, образностью, наличием бинарной оппозиции своего и чужого, инкорпорированностью в общественное сознание. Однако современный миф не обладает сакральным магическим значением и не является исключительным основанием для этнокультурной идентичности любой социальной общности. В отличие от классического мифа, формирующегося на фоне информационного дефицита, современный миф существует в условиях избыточности и необъятности информационного пространства. По этой причине сегодня миф представляет собой скорее символический нарратив, в котором аккумулируется культурно-исторический опыт этнической общности, а также ее базисные психологические, этические и лингвистические структуры.

Как и любое социальное знание, этническая мифология всегда релевантна определенной социально-культурной общности и ее среде, поэтому миф по своей природе репрезентативен, ведь в нем отражены основные символические представления и обра-

зы, значимые для конкретной этнической группы. Важно учитывать, что этногенез – это всегда незавершенный процесс: даже в условиях ассимиляции этнической группы, когда этнос стал полноправным субъектом межкультурного взаимодействия и обрисовать его предыдущие четкие границы не представляется возможным, все равно правомерно говорить о генезисе этнической общности, которая просто меняет форму самопрезентации [1, с. 15]. Именно эти динамичность и открытость этнической общности и ее культуры позволяют рассматривать этническую мифологию не только как каноничную и традиционную систему знаков и символов, но и как гибкую, опосредованную систему. Этническое знание и мифология способны трансформироваться вслед за самой этнической группой, подстраиваясь под временные и социокультурные запросы. Однако трансформация затрагивает лишь оболочку мифа (т. е. может варьироваться интерпретация символов), тогда как ядро мифа остается неизменным. Этим ядром являются исходные образы, события, действия, которые впоследствии инкорпорируются в определенное социально-информационное поле и обретают символическое значение для этнической общности. Как писал философ культуры и этнограф М. Элиаде, «...мифологическое мышление может оставить позади свои прежние формы, может адаптироваться к новым культурным модам. Но оно не может исчезнуть окончательно» [2, с. 28].

Этнические мифы чаще всего носят этиологический, культовый, тотемический или календарный характер, в них раскрываются и объясняются фундаментальные представления о происхождении этнической группы и первых людей общности, о связи с тотемным животным или календарными циклами, о картине мира и встрече с другими общностями. Несмотря на типологическое разнообразие, мифы в целом, по мнению американского антрополога Дж. Кэмпбелла, имеют универсальный мотив и общий путь главных героев, что выражается в концепции мономифа. В соответствии с этой концепцией

любая созданная мифологическая история укладывается в единую структуру повествования и отличается лишь культурным или бытовым контекстом [3, с. 61]. Что касается непосредственно этнической мифологии, то ей также свойственны схожесть и универсальность, несмотря на то что сами этносы могут никак не пересекаться друг с другом. Эта общность, как будет показано далее, основывается на этноценностных установках в мифотворчестве.

Среди существующих типологий исторических и этнических мифов можно выделить следующие наиболее часто повторяющиеся типы:

- мифы о происхождении, повествующие не только о началах мира, но и о формировании этноса или государства, обретении своего дома, Родины;
- мифы с проекцией на будущее, описывающие потенциальную роль и вероятное значение этноса и народа;
- фундаментальные мифы, раскрывающие укorenившиеся представления о действительности.

Например, в белорусской мифологии один из мифов о происхождении народа и обретении им своего дома повествует о прародителе Бае и его младшем сыне Белаполе, которого обделили землей. Но благодаря смекалке Белаполь все же обрел свою территорию, а его потомки стали называться белорусами (стоит отметить, что образ младшего в семье народов и такие черты, как смекалистость, выживаемость, несмотря на обделенную долю, исторически закрепились за белорусским этносом)¹.

Акцентирование на вышеперечисленных типах мифов обусловлено тем, что именно эти пласты этнической истории (давнее прошлое и возможное будущее) в силу своей отдаленности от настоящего и невозможности однозначной верификации наиболее подвержены мифологизации. Историческое неизвестное представляет собой определенную лакуну для возможной мифологизации образов и мифотворчества в целом. История в мифах становится гибкой, а знание превращается в интерпретацию. Так, этническая мифология задолго до эпохи постмодернизма развивает концепт полисемантической вариативности. Однако важно избегать однозначной оценочной позиции самого факта конструирования социального знания. Как отмечали П. Бергер и Т. Лукман в своей теории феноменологического конструктивизма, социальная реальность перманентно «конструируется и реконструируется» воспринимаемыми субъектами [4, с. 9]. Это означает, что важны не столько механизмы исторического конструирования (в большинстве своем они повторяющиеся), сколько субъекты истории, которые интерпретируют события исходя из собственных социально-политических, идеологических, истори-

ко-культурных установок и тем самым легитимизируют мифологизацию.

Важно акцентировать особенность этнического мифа: это символическое социальное знание, которое в определенный исторический момент было создано. Миф может как искусственно моделироваться, так и возникать самостоятельно в соответствии с историко-культурными событиями. Как и любое социальное знание, миф формируется в конкретной социальной среде и репрезентативен ее контексту, поэтому должен интериоризироваться в общественное сознание. Цели у мифологизации знания и истории могут быть разные (объяснение социального порядка, интеграция людей, передача накопленного опыта, легитимизация или героизация событий или исторических личностей и т. д.), однако есть общие этапы формирования этого социального знания [4, с. 52].

Этап 1: хабитуализация (опривычивание). Повторяющееся действие или явление фиксируется в индивидуальном и общественном сознании, становится привычным, принимается на эмоционально-чувственном уровне.

Этап 2: типизация (рационализация). Опривыченное знание структурируется и типологизируется в соответствии с существующим бытовым, этнокультурным или социальным опытом. Как характеризуют этот этап П. Бергер и Т. Лукман, происходит столкновение «лицом к лицу» нового знания с уже существующим, в результате чего в дальнейшем можно сопоставить или связать различные факты и события друг с другом [4, с. 52].

Этап 3: институционализация. Зафиксированное и типологизированное знание подвергается санкционированию, чтобы оно стало частью повседневного опыта и последующие события рассматривались уже сквозь призму нового знания. Одним из распространенных способов институционализации мифа выступает ритуал или созданная традиция.

Этап 4: легитимизация. Знание становится незыблемым и каноничным.

Так, этнический миф проходит путь от часто повторяющейся информации до канонического и сакрального знания, легитимизированного в обществе. Однако когда историко-культурный контекст и мировосприятие этнической группы кардинально меняются, то вслед за этим, как было отмечено выше, могут произойти трансформация этнического знания, его ремифологизация. В данном случае правомерно говорить о еще одном этапе – смене традиций и мифологического знания.

Символическая интеграция реальных исторических событий в мифологическую систему знаков позволяет увидеть общие установки, конституируе-

¹Белорусская мифология и фольклор [Электронный ресурс]. URL: <https://folklorebelarus.wordpress.com> (дата обращения: 01.11.2022).

мые в этническом сознании. Так, например, в мифах можно обнаружить специфику дихотомии мы – они или выявить особенности самокатегоризации этнической общности, в которых отражена форма (литотизированная, адекватная или гиперболизированная) этой самоидентификации. Миф всегда тесно переплетен с психологией или метафизикой этнической общности. Он может выступать не только объектом исследования, но и инструментом для (ре)конструирования востребованного социального знания. В этнической истории есть множество примеров, иллюстрирующих использование мифологем для этно- и нациогенеза. В частности, очень показателен этнический миф о зарождении армянского этноса: один из древнейших этносов в мире возник в результате ожесточенной борьбы прародителя армян Айка с преследовавшим его вавилонским царем Бэлом, после триумфа в которой и была основана страна Айка². Как видно, армянский этногенез выстраивается на мифологеме битвы и последующей победы над внешним врагом. В дальнейшем отсылка к мифологическому образу врага и борьбы с ним станет одной из конституирующих мифологем армянской культуры, особенно в периоды обострения этнополитического кризиса.

В мифах могут быть отражены травматические события, образы исторических героев и любые другие значимые этнокультурные коды. Исходя из этого, нельзя говорить об этнической мифологии как о музейной реликвии, ведь в ней на символическом уровне представлено этническое сознание. Как утверждал А. Ф. Лосев, миф есть «яркая действительность, формирующая бесспорную для представителей этноса явь» [5, с. 57]. Это означает, что этнические мифы являются частью этнокультурной идентичности, так как параметры самоидентификации во многом мифологизированы (символичны и конструируемы). В мифах считаются особенности проявления этнического самосознания, основные символы и образы, в которых отражается специфика идентификации своей общности и отношения к другим общностям. Дихотомия мы – они является частью мифологической картины мира. Например, аффектация в мифах на гиперэтничность, самоутверждение либо исключительность собственного этноса говорит о гиперпозитивной этнической самоидентификации и потенциально настороженном или даже негативном отношении к другим общностям. Это может быть выражено в явной либо скрытой форме этнофанатизма или этнодискриминации, укорененных представлениях о внутригрупповом этническом фаворитизме или иноэтническом изоляционизме [6, с. 110]. Как

известно, фанатичная приверженность своей этнокультурной парадигме, культивируемый традиционализм, навязчивая мифологизация исторического прошлого ведут по меньшей мере к интолерантному отношению к иным этнокультурным общностям и их традициям. Безусловно, это отразится на общих представлениях, стереотипах, которые будут формироваться в сознании этнической группы о других группах. Вместе с тем литотизированная форма идентичности может проявляться в повышенной тревожности или маргинализации собственных образов этнической культуры в мифах и также негативно отражаться на дихотомии мы – они. Этническое самосознание в литотизированной форме, основанное на умышленном либо неосознанном преуменьшении собственной значимости (чувстве стыда или униженности), базируется на негативном эмоционально-оценочном отношении и к другим субъектам этнокультурного взаимодействия. Это может привести к потенциальной напряженности в межэтническом взаимодействии, обусловленной, например, стремлением компенсировать исторические обиды за счет меньшего по численности этноса или восстановить «историческую несправедливость». Однако стоит отметить, что, несмотря на характер самоидентификации этнической общности, этнические мифы всегда будут ориентированы на собственные сущностные основания и установки. Этноцентризм в этнической мифологии выступает исходной формулой конструирования мифологического знания, которое может быть выражено в разной форме с различными акцентами (повествующими, объясняющими или даже оправдывающими историями), но всегда сконцентрировано на собственном этносе как ключевом субъекте миропорядка. Это позволяет утверждать, что мифы могут не просто говорить об историческом прошлом этнических групп, а являться своеобразным ретранслятором исходных установок этнической общности, которые важно исследовать для конструирования взаимоуважительного долгосрочного сотрудничества.

Указанная особенность очень хорошо считывается с этническими стереотипами, которые только закрепляют в общественном сознании опривыченное мифологическое знание. Упрощенные, стандартизированные и эмоционально окрашенные представления в виде стереотипов, так же как и мифы, могут быть аутентичными либо искусственно смоделированными, отражать этнокультурные установки и выступать проводником к пониманию этнической или национальной идентичности. В них закрепляются обобщенный образ и схематичный портрет этнической общности. Однако если мифы могут быть

²Дурье С. В. Ереванская цивилизация. Культурный код и политический миф современной Армении [Электронный ресурс]. URL: <http://svlourie.ru/Erevan-civilization-cultural-code-politic-myth-of-modern-Armenia> (дата обращения: 21.10.2022).

подвижны в силу своей исторической контекстуальности, востребованности той или иной информации и наличия таких этапов закрепления, как институционализация и легитимизация, то этнические стереотипы ригидны к новой информации и возможным изменениям. Во многом это связано с тем, что формирование стереотипов останавливается на этапе хабиутализации. Соответственно, они не подвергаются никакой рационализации и закрепляются на бессознательном уровне восприятия, поэтому для выявления и преодоления стереотипов требуются целенаправленные, длительные и неоднократные когнитивные усилия. Но природа стереотипов предполагает обратное: необходимо разгрузить мышление, действовать по привычке и шаблону [7, с. 57].

Понимание особенностей этнической стереотипизации и мифологизации крайне актуально в кризисные периоды социодинамики и трансформации миропорядка. Это связано с тем, что любой конфликт в целом и этнокультурный конфликт в частности имеют несколько этапов развития: латентный (предконфликтный) этап, этап осознанного соперничества, этап конфликтных действий (эскалация), включающий кризисную стадию, и этап разрешения конфликта [8, с. 256]. Чем раньше будут выявлены возникающее конфликтное противостояние и потенциальная напряженность, тем больше шансов на разрешение и контролирование возможного конфликта. Именно стереотипы, а также искаженные исторические мифы могут стать маркером предконфликтной ситуации: на первичном (латентном) этапе, который также называется стадией конфликта стереотипов, можно обнаружить тенденцию к дискредитации и обесцениванию образа других культур, этносов, наций. На данном этапе еще нет явного осознанного негативного отношения к иным субъектам, однако усиливаются их стереотипизация и мифологизация, сведение к чужому и потенциально опасному образу, который впоследствии может быть интерпретирован как образ врага. Рост напряженности на этом этапе прямо пропорционален усилению деиндивидуализации и стереотипизации другой этнокультурной общности и мифологизации собственной общности (например, утрированное либо гипертрофированное обращение к историческому прошлому, героям, народному духу или переписывание истории в целом). Обнаружить потенциальную эскалацию на латентном этапе непросто, однако умение видеть и считывать возможную угрозу даже на уровне интенсификации мифологизации и стереотипного восприятия – очень важный навык, так как разрешить возрастающее противостояние с каждым этапом будет все сложнее. На следующих стадиях символические границы конфликта расширяются, а стереотипы о потенциально

опасном Другом трансформируются в реальный образ врага, поэтому возможность управлять возрастающим противостоянием минимизируется.

Важно отметить, что в настоящее время наблюдаются определенный этнический ренессанс и всплеск интереса к оккультизму и крайне мифологизированным ценностям на индивидуально-личностном уровне. Мистификация и мифологизация истории, выявление скрытых глубинных смыслов и незыблемой связи с предками или природой сегодня во многом объясняются поиском глобальных ответов в период колоссальной неопределенности. Мифологическое знание сакрализировано и легитимизировано, поэтому не требует строгости, логической непротиворечивости и практической верификации, оно предлагает определенный набор знаний и ответов, которые могут уменьшить либо полностью преодолеть психологический дискомфорт от неизвестности и чувства собственной незначимости или оторванности от неких глобальных связей. Это своего рода форма неоязычества, в которой синтезировались традиционные мифологические представления. Однако необходимо учитывать, что обращение к этнической мифологии в целом характерно для критических событий в истории, причем не только для индивидуально-личностного, но и для группового запроса. Именно в период нестабильности, кризисного этапа социодинамики требуется поддержка для любой социальной общности. Для этноса такой поддерживающей силой становится апелляция к его историческому прошлому, где находятся реперные точки становления и развития этноса. Особенно это заметно в так называемый короткий XX в., начинающийся с краха империй и завершающийся распадом СССР, когда географические и политические границы были максимально подвижными и множество народов обретали свою независимость. В этот период прослеживается особая инструментальная роль этнической мифологии для современных этнических или национальных общностей: этническое мифотворчество может быть использовано при урегулировании территориальных претензий, обосновании политической автономии или формировании национальных идей и иллюстрации национального характера. Эта особенность этнической мифологии находит широкое применение в этнополитическом пространстве (обращение к героическому прошлому в целях обоснования определенных событий или решений в настоящем либо мобилизации масс и поднятия народного духа).

Сегодня этнический миф имеет еще одно важное прикладное значение: он может использоваться при конструировании национальной идеи или формировании имиджа страны. Миф может стать вдохновляющим нарративом, интегрирующим социальную группу или мобилизуя ее на опреде-

ленные действия. Будучи исторически подкрепленным и концептуально обоснованным, этнический миф способен инкорпорировать в общественное сознание желаемый образ (гостеприимства, толерантности или, наоборот, силы и воинственности). Однако при социальном конструировании желаемой мифологемы важно учитывать, что история этноса и народа считается избирательно и субъективно. На различных этапах этнополитического и этнокультурного развития одни и те же исторические герои или события могут оцениваться по-разному. Эта особенность субъективного и конъюнктурного видения исторического прошлого легла в основу знаменитой работы французского историка М. Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» [9], в которой раскрывается специфика интерпретации и использования одного и того же исторического наследия в зависимости от времени, места и особенностей локального историко-культурного контекста. Вариативность оценки событий и героев, ставших частью мифологического сознания народа, также иллюстрирует история колонизации земель и народов: колонизатор, «открывающий» другую землю, может почитаться как герой в истории собственной культуры и предельно критично оцениваться с позиции покоренных народов (например, образ Ермака, покорителя Сибири, или

образ Васко да Гамы, первооткрывателя морского пути из Европы в Индию).

Таким образом, сегодня этнические мифы сохраняют свою актуальность и репрезентативность. В них фиксируются и ретранслируются ключевые архетипы ментальности этнической общности, и поэтому миф является неотъемлемой частью этнокультурной идентичности. Помимо классических (социально-интегративной и нормативно-регулятивной) функций мифов, в настоящее время особую роль играет знакомоделирующая функция, связанная с построением знаковой системы действительности. Будучи сконструированным социальным знанием, мифы могут быть значимы для нациогенеза, брендинга или мифологизации истории, а также для построения оптимального межэтнического взаимодействия. Понимание особенностей мифологизации этнического знания важно не только для интерпретации прошлого или объяснения настоящего, миф может быть проективным, позволяя конструировать этническое знание, представления и отношения для будущего. В связи с этим миф является не только формой репрезентации прошлого, но и формой конструирования реальности, что, в свою очередь, задает высочайшую планку ответственности для субъектов мифотворчества и творцов истории.

Библиографические ссылки

1. Налчаджян АА. *Этногенез и ассимиляция (психологические аспекты)*. Москва: Когито-Центр; 2004. 216 с.
2. Элиаде М. *Аспекты мифа*. Большаков ВП, переводчик. Москва: Инвест-ППП; 1996. 240 с. (Первые публикации в России).
3. Кэмпбелл Дж. *Тысячеликий герой*. Санкт-Петербург: Питер; 2021. 352 с. (Мастера психологии).
4. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания*. Руткевич ЕД, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
5. Лосев АФ. *Диалектика мифа*. Москва: Мысль; 2001. 561 с.
6. Хотинцев ВЮ. *Этническое самосознание*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. 235 с. (Библиотека социальной психологии).
7. Курбачёва ОВ. Историко-философское осмысление сущности и роли этнических стереотипов в современном мире. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;4:53–62. DOI: 10.33581/2520-6338-2022-4-53-62.
8. Стефаненко ТГ. *Этнопсихология*. Москва: Институт психологии РАН; 1999. 320 с. Совместно с издательством «Академический проект».
9. Ферро М. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. Москва: Высшая школа; 1992. 351 с.

References

1. Nalchadzhyan AA. *Etnogenez i assilyatsiya (psikhologicheskie aspekty)* [Ethnogenesis and assimilation (psychological aspects)]. Moscow: Kogito-Tsentr; 2004. 216 p. Russian.
2. Eliade M. *Aspects du mythe*. Paris: Gallimard; 1963. 247 p. Russian edition: Eliade M. *Aspekty mifa*. Bol'shakov VP, translator. Moscow: Invest-PPP; 1996. 240 p. (Pervye publikatsii v Rossii).
3. Campbell J. *The hero with a thousand faces*. 3rd edition. Novato: New World Library; 2008. XIII, 417 p. (Bollingen series; volume 17). Russian edition: Campbell J. *Tysyachelikii geroi*. Saint Petersburg: Piter; 2021. 352 p. (Mastera psikhologii).
4. Berger PL, Luckmann T. *The social construction of reality: a treatise on sociology of knowledge*. Garden City: Doubleday; 1966. VII, 203 p. Russian edition: Berger P, Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya*. Rutkevich ED, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p.
5. Losev AF. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow: Mysl'; 2001. 561 p. Russian.

6. Khotinets VYu. *Etnicheskoe samosoznanie* [Ethnic identity]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 235 p. (Biblioteka sotsial'noi psikhologii). Russian.

7. Kurbacheva OV. Historical and philosophical understanding of the essence and role of ethnic stereotypes in the modern world. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;4:53–62. Russian. DOI: 10.33581/2520-6338-2022-4-53-62.

8. Stefanenko TG. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 1999. 320 p. Co-published by the «Akademicheskii proekt». Russian.

9. Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How the story is told to children around the world]. Moscow: Vysshaya shkola; 1992. 351 p.

Статья поступила в редколлегию 07.04.2023.
Received by editorial board 07.04.2023.